

Изъ книги «Освобожденіе Толстого»

Отверзите уши ваши, монахи:
Освобожденіе отъ смерти найдено!
Будда.

Онъ тоже говорилъ объ «освобожденіи»:

— Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышленія и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ.

Въ этихъ словахъ, еще никѣмъ никогда не отмѣченныхъ, главное указаніе къ пониманію его всего.

Астапово — завершеніе «освобожденія», которымъ была вся его жизнь, не взирая на всю великую силу «подчиненія».

Помню, съ какимъ восторгомъ сказалъ онъ однажды слова Пивагора Самосскаго: «Нѣтъ у тебя, человѣкъ, ничего, кромѣ души!» Знаю, какъ часто повторялъ Марка Аврелія: «Высшее назначеніе наше — готовиться къ смерти». Такъ онъ и самъ писалъ: «Постоянно готовишься умирать. Учишься лучше умирать».

«Я — Антонинъ, но я и человѣкъ; для Антонина градъ и отечество — Римъ, для человѣка — мѣръ».

Для него (для Толстого) не осталось въ годы его высшей мудрости не только ни града, ни отечества, но даже міра; осталось одно: Богъ; осталось «Освобожденіе», уходя, возвратъ къ Богу, раствореніе — снова раствореніе — въ Немъ.

Князь Андрей слушалъ пѣніе Наташи:

— Страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно великимъ и неопредѣленнымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ былъ онъ самъ и даже была она, — эта противоположность томилъ и радовала его во время ея пѣнія...

Эта «противоположность» томила его (Толстого) съ рожденія до послѣдняго вздоха.

«Совершенный, монахи, не живеть въ довольствѣ. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайшій Будда. Отверзите уши ваши: искупленіе отъ смерти найдено. Я поучаю васъ, я проповѣдую Законъ. Если вы будете поступать сообразно поученіямъ, то черезъ малое время получите то, ради чего благородные юноши уходятъ съ родины на чужбину, получите высшее исполненіе священнаго стремленія; вы еще въ этой жизни познаете истину и увидите ее воочию».

Христось тоже звалъ «съ родины на чужбину»: «Враги челоуѣку домашніе его... Кто не оставитъ ради Меня отца и матери, тотъ не идетъ за Мной».

Ихъ немало было, «благородныхъ юношей, покинувшихъ родину ради чужбины»: былъ самъ царевичъ Готами, былъ Алексѣй Божій челоуѣкъ, былъ Юліанъ Милостивый, былъ Францискъ изъ Ассизи... Къ лику ихъ сопричислился и старецъ Левъ изъ Ясной Поляны.

Удивительная жизнь, удивительный конецъ ея... Что же это было? Еще одно великое отреченіе отъ земного міра, — еще одинъ изъ тѣхъ тяжкихъ подвиговъ ради спасенія отъ смерти, ради «освобожденія» отъ нея, коими прославленъ уже цѣлый сонмъ мудрыхъ и святыхъ, извѣстныхъ міру.

Къ бѣгству подбивали его и со стороны. За мѣсяцъ до бѣгства онъ писалъ:

«Отъ Черткова письмо съ упреками и обличеніемъ», — насчетъ того, что онъ, Толстой, все продолжаетъ жить такъ, какъ живеть. — «Они разрывають меня на части. Иногда думается уйдти ото всѣхъ».

Чертковъ впослѣдствіи оправдывался, говорилъ, что не настаивалъ на его уходѣ. Нѣтъ, настаивалъ. Но и колебался, — на примѣръ, такъ писалъ о своихъ опасеніяхъ толстовцу болгарину Досеву:

«Если бы онъ ушелъ изъ дому, то, при его преклонныхъ лѣтахъ и старческихъ болѣзняхъ, онъ уже не смогъ бы жить физическимъ трудомъ. Не могъ бы онъ также пойти съ посохомъ по міру и заболѣть и умереть гдѣ-нибудь на большой дорогѣ или прохожимъ странникомъ въ чужой избѣ... Не могъ бы такъ поступить изъ простой любви къ любящимъ его людемъ... Не могъ бы, не становясь жестокимъ...»

Какъ бы тамъ ни было, онъ рѣшился наконецъ и на полную возможность «умереть гдѣ-нибудь на большой дорогѣ» и на «жестокость».

О томъ, куда ему направиться изъ Ясной Поляны, онъ думалъ очень неопредѣленно: «Куда-нибудь за границу... напрямърь, въ Болгарію... Или въ Новочеркасскъ и дальше — куда-нибудь на Кавказъ...» Въ послѣднюю минуту онъ выбралъ какъ первую цѣль монастырь Оптину Пустынь и монастырь въ селѣ Шамардинѣ, гдѣ доживала свою жизнь его престарѣлая сестра, монахиня мать Марія.

— Ты останешься, Саша, — сказала онъ дочери въ ночь бѣгства. — Я вызову тебя черезъ нѣсколько дней, когда рѣшу окончательно, куда я поѣду. А поѣду я по всей вѣроятности къ Машенькѣ въ Шамардино...

«Къ Машенькѣ» — это значить: къ той единственной, что осталась на свѣтѣ отъ того безконечно далекого времени, когда только что начиналась жизнь, когда «намъ, братьямъ, было — мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7, и Николенька (которому было лѣтъ 11) объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ несприятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться и всѣ будутъ любить другъ друга...»

Послѣдніе годы его жизни были несказанно трогательны и прекрасны. И вотъ въ эти годы онъ ѣхалъ однажды съ Александрой Львовной верхомъ:

«Мы возвращались съ отцемъ домой, поровнялись съ полянкой, гдѣ весной на бугоркѣ цвѣли голубымъ полемъ незабудки, а лѣтомъ росли бархатные съ розовымъ корнемъ и коричневой подкладкой крѣпкіе боровики. Отецъ окликнулъ меня:

— Саша!

И когда я, прищоривъ лошадь, подѣхала, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ, между этими дубами... — Онъ натянулъ поводъ и хлыстомъ, отчего лошадь нервно дернулась, указалъ мнѣ мѣсто. — Тутъ схороните меня, когда я умру...»

Теперь, въ эту послѣднюю свою ночь въ томъ домѣ, гдѣ онъ родился и провелъ весь свой вѣкъ, онъ разстался даже и съ этой мечтой — лежать въ могилѣ среди тѣхъ родныхъ дубовъ, мѣсто которыхъ было связано съ памятью Николеньки и съ «Зеленой Палочкой». «Иногда думается уйдти ото всѣхъ». Теперь онъ особенно ясно чувствовалъ, что пора уйдти не только ото всѣхъ, но и ото всего.

Почему бѣжалъ? Конечно, и потому, что «тѣсна жизнь въ домѣ, мѣсто нечистоты есть домъ», какъ говорилъ Будда. Конечно, и потому, что не стало больше силъ выдерживать многолѣтніе раздоры съ Софьей Андреевной изъ-за Черткова, изъ-за имуществъ... Но ужели только эти причины побуждали его къ бѣгству?

— Мнѣ очень тяжело въ этомъ домѣ сумасшедшихъ, — писалъ онъ въ своемъ дневникѣ.

Но писалъ и другое, гораздо болѣе важное:

— Хорошо думалъ о безуміи личной жизни — не только личной жизни своей, но и жизни общей, временной.

— Пора проснуться, то-есть умереть.

— Вещество и пространство, время и движеніе отдѣляютъ меня и всякое живое существо отъ Всего Бога.

— Все меньше понимаю міръ вещественный и, напротивъ, все больше и больше сознаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознавать.

— «Но какъ же родъ человѣческой?» Не знаю. Знаю только, что законъ совокупленія не обязателенъ человѣку.

— Мой духъ живетъ и будетъ продолжать жить. «Но это уже не твой будетъ духъ», говорятъ на это. То-то и хорошо, что къ этому тому, что останется жить послѣ меня, не будетъ примѣшана личность, отвѣчаю я. Личность есть то, что мѣшаетъ сліянію моей души со Всѣмъ.

— Тѣло? Зачѣмъ тѣло? Зачѣмъ пространство, время, причинность?

Онъ бѣжалъ «куда-нибудь» и не могъ не знать, что по его годамъ и слабостямъ тѣлеснымъ, при тѣхъ обморокахъ, въ которые онъ впадалъ порой при малѣйшемъ переутомленіи, ждала его на пути только смерть. «Но это-то и хорошо». Лишь бы не умереть, какъ умираетъ человѣкъ этого міра, до конца изжитаго имъ, а умереть какъ звѣрь, — по древнѣйшему закону природы: въ той священной тайнѣ, въ которой умираетъ «гдѣ-то» всякій свободный звѣрь, всякая свободная птица, ибо никогда не находятъ человѣкъ ни свободного звѣря, ни свободной птицы мертвыми ни въ городѣ, ни въ деревнѣ, ни даже въ чистомъ полѣ. И умирая, въ бреду, несвязно внѣшне, но совершенно точно внутренно, онъ опять сказалъ чисто индусскія слова:

— Все Я... все проявленія... довольно проявленій...

Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что «слова умирающаго особенно значительны», какъ записалъ онъ однажды.

До сихъ поръ помню тотъ день, тотъ часъ, когда ударилъ мнѣ въ глаза крупный шрифтъ газетной телеграммы:

— Астаново, 7 ноября. Въ 6 часовъ 5 минутъ утра Левъ Николаевичъ Толстой тихо скончался.

Газетный листъ былъ въ траурной рамѣ. Посреди его чернѣлъ всему міру извѣстный портретъ стараго мужика въ мѣшковатой блузѣ, съ горестно-сумрачными глазами и большой косою бородой. Былъ одиннадцатый часъ мокраго и темнаго петербургскаго дня. Я смотрѣлъ на портретъ, а видѣлъ свѣтлый, жаркій кавказскій день, лѣсъ надъ Терекомъ и шагающаго въ этомъ лѣсу худого загорѣлаго юнкера «въ бѣлой папашкѣ съ опустившимся пожелтѣвшимъ курпеемъ, въ бѣлой, грязной, съ широкими складками черкескѣ» и съ винтовкой въ рукѣ:

— На другой день Оленинъ пошелъ одинъ на то мѣсто, гдѣ онъ со старикомъ спугнулъ оленя... День былъ совершенно ясный, тихій, жаркій. Утренняя свѣжесть даже въ лѣсу пересохла, и мириады комаровъ буквально облѣпляли лицо, спину и руки... Эти мириады насѣкомыхъ такъ шли къ этой дикой, до безобразія богатой растительности, къ этой безднѣ звѣрей и птицъ, наполняющихъ лѣсъ, къ этой темной зелени, къ этому пахучему, жаркому воздуху, къ этимъ канавкамъ мутной воды, вездѣ просасывающейся изъ Терека и бульбулькающей гдѣ-нибудь подъ нависшими листьями... Обойдя то мѣсто, гдѣ онъ вчера нашелъ звѣря, и ничего не встрѣтивъ, онъ захотѣлъ отдохнуть... Онъ отыскалъ вчерашніе слѣды оленя, подобрался подъ кустъ въ чашу, въ то самое мѣсто, гдѣ вчера лежалъ олень, и улегся у его логова... И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастья и любви ко всему, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ, сталъ любить и благодарить кого-то. Ему вдругъ съ особенной ясностью пришло въ голову, что вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное ого всѣхъ существо, лежу теперь одинъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень, старый олень, красивый, никогда, можетъ быть, не выдавшій человѣка... Около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоять въ воздухѣ и жужжать комары: одинъ, два, три, четыре, сто, тысяча, миллионъ комаровъ, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ... И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой же олень, которые живутъ теперь вокругъ него. «Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерощка, поживу и умру. И правду онъ говоритъ: только трава выро-

стеть». — «Да что-же, что трава вырастет? — думаль онъ дальше: Все-таки надо жить, надо быть счастливымъ... Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава вырастетъ и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единого Божества, все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?» И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя... И вдругъ ему какъ-будто открылся новый свѣтъ. «Счастіе — вотъ что, — сказалъ онъ себѣ: — счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ... въ человѣкѣ вложена потребность счастія; стало быть оно законно. Удовлетворяя его эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобства жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этому желанію. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія-же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!» Онъ такъ обрадовался и взволновался, открытъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскопчилъ и въ не терпѣніи сталъ искать, для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить...

Софья Андреевна говорила:

— Сорокъ восемь лѣтъ прожила я съ Львомъ Николаевичемъ, а такъ и не узнала, что онъ былъ за человѣкъ!

Многообразіе этого человѣка всегда удивляло міръ. Но вотъ тотъ образъ, что вспомнился мнѣ 7 ноября четверть вѣка тому назадъ, — этотъ кавказскій юнкеръ съ его мыслями и чувствами среди «дикой, до безобразія богатой растительности» надъ Тереккомъ, среди «бездны звѣрей и птицъ», наполняющихъ эту растительность, и несмѣтныхъ комаровъ въ воздухѣ, каждый изъ которыхъ былъ будто бы «такой-же особенный ото всѣхъ», какъ и самъ юнкеръ ото всего прочаго: не основной ли это образъ? Юнкеръ, думая о своей «особенности», съ радостью терялъ чувство ея: «Ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой-же олень, которые живутъ теперь возлѣ него. Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерошка, поживу и умру. И правду онъ говоритъ: только трава вырастетъ...» Это стремленіе къ потере «особенности» и тайная радость потери ея — основная толстовская черта. «Слова умирающихъ больше всего значительны». И, умирая, онъ, величайшій изъ великихъ, говорилъ: «На

свѣтъ много Львовъ, а вы думаете объ одномъ Львѣ Толстомъ! Развѣ это не то же, что чувствовалъ и говорилъ себѣ кавказскій юнкеръ про свою «особенность»? Радовало его это и впоследствии, всю жизнь, — взять Наполеона, Пьера, князя Андрея и разоблачить мнимую высоту ихъ положеній и самоощущеній, лишить ихъ «особенности», показать на нихъ, что «сущность жизни» внѣ временныхъ и пространственныхъ формъ, смѣшати ихъ съ комарами и оленями; сдѣлать это и съ самимъ собою. Ни одинъ олень, ни одинъ дядя Ерошка не защищали свою «особенность» такъ, какъ онъ, не утверждали ее съ такою страстью и силой, — достаточно вспомнить хоть то, какъ зоологически былъ онъ ревнивъ въ любви. И вмѣстѣ съ тѣмъ всю жизнь разрушалъ ее и чѣмъ дальше, тѣмъ все страстнѣе, все сильнѣе. Какъ могло быть иначе? Какъ не разрушать, если все-таки не дано было кавказскому юнкеру въ его дальнѣйшей долгой жизни идти къ блаженному, звѣриному «поживу и умру и только трава выростетъ»? Какъ не разрушать, если то и дѣло становится «гадко на самого себя», если «счастье въ томъ чтобы жить для другихъ»?

— Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскопчилъ и въ нетерпѣннѣи сталъ искать, для кого-бы ему поскорѣе пожертвовать собой.

Сколько разъ въ жизни и прежде и потомъ открывалъ онъ «эту, какъ ему казалось, новую истину»? Истина же эта роковая. Съ ней нельзя быть оленемъ или дядей Ерошкой. «Все равно, что бы я ни былъ: такой-же звѣрь, какъ и всѣ, или же я рамка, въ которой вставилась часть единого Божества...» Но въ томъ и бѣда, что совѣтъ не все равно, если уже сознаешь себя такой «рамкой». И олень и дядя Ерошка тоже «рамки», но думаютъ-ли они объ этомъ! Олени и дяди Ерошки, каждый въ своей «особенности», въ своей «самости», ничуть не стремятся вскакивать, искать, «для кого бы поскорѣй пожертвовать собой». И поэтому сугубо роковой путь жизни былъ уготованъ тому, кто былъ рожденъ и оленемъ и дядей Ерошкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ — Дмитриемъ Оленинымъ, который никакъ не могъ умереть такъ, чтобы только трава выросла. «Нѣкоторые живутъ, не замѣчая своего существованія». Не нѣкоторые — ихъ столько же, сколько на землѣ комаровъ и оленей. А сколько замѣчающихъ? Онъ-же былъ изъ тѣхъ, что слишкомъ замѣчаютъ. И нельзя было ему умереть, какъ оленю. Надлежало умереть или какъ Ивану Ильичу, какъ князю Серпуховскому изъ «Холстомѣра», въ лучшемъ случаѣ какъ самому Хол-

стомъру — или же съ совершенно несомнѣннымъ чувствомъ то ли словъ Христа: «Царство Мое не отъ міра сего, вѣрующій въ Меня не увидитъ смерти во вѣкъ», то ли словъ индійской мудрости: «Отверзите уши ваши, освобожденіе отъ смерти найдено. Освобожденіе — въ разоблаченіи духа отъ его матеріальнаго одѣянія. Освобожденіе — въ воссоединеніи Я временнаго съ вѣчнымъ Я». Чувство же это приобретається страшной цѣной. И вотъ въ 6 час. 5 мин. утра 7 ноября 1910 года кончилась на станціи Астапово не только жизнь одного изъ самыхъ необыкновенныхъ людей, когда-либо жившихъ на свѣтѣ, — кончился еще и нѣкій необыкновенный человѣческій подвигъ, необыкновенная по своей силѣ, долготѣ и трудности борьба за то, что есть «освобожденіе», есть исходъ изъ «Быванія въ Вѣчное», говоря буддійскими словами, есть путь «въ жизнь», говоря словами Евангелія, по удивительному совпадению оказавшимся въ сборникѣ «Мысли мудрыхъ людей на каждый день», который онъ составлялъ въ свои послѣдніе годы, какъ разъ на страницѣ, отведенной седьмому дню ноября:

— Входите тѣсными вратами: ибо широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель; и многіе идутъ ими: ибо тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ.

Въ этотъ сборникъ онъ включалъ наиболѣе трогавшія его, наиболѣе отвѣчавшія его уму и сердцу «мысли мудрыхъ людей» разныхъ странъ, народовъ и временъ, равно какъ и нѣкоторыя свои собственныя. «Во всѣ вѣка лучшіе, то-есть настоящіе, люди думали объ этомъ», писалъ онъ въ предисловіи къ нему. «Объ этомъ» — это о томъ, о чемъ онъ и самъ думалъ всю жизнь, даже и тогда, когда такъ страстно думалъ совсѣмъ о другомъ: о томъ, «чѣмъ все это кончится», что надо «искать, все время искать». Во всемъ и всегда удивительный, удивителенъ онъ былъ и той настойчивостью, съ которой онъ началъ говорить «объ этомъ» съ самыхъ раннихъ лѣтъ, а въ послѣдствіи говорилъ съ той одержимостью однообразія, которую можно видѣть или въ житіяхъ святыхъ или въ исторіяхъ душевно больныхъ. Есть преданіе, что Іоаннъ, любимый ученикъ Христа, неустанно говорилъ въ старости только одно: «Дѣти, любите другъ друга». Однообразіе, съ которымъ говорилъ Толстой одно и то же во всѣхъ своихъ послѣднихъ писаніяхъ и записяхъ, подобно тому однообразію, которое свойственно древнимъ священнымъ книгамъ Индіи, книгамъ іудейскихъ пророковъ, поученіямъ Будды, сурамъ Корана:

— Матерія для меня самое непонятное, — то и дѣло повторялъ онъ на всѣ лады.

— Что я такое? Разумъ ничего не говоритъ на эти вопросы сердца. Отвѣчаетъ на это только какое-то чувство въ глубинѣ сознанія. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, они отвѣчаютъ на это не словами, то-есть орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всей жизнью.

— Избави Богъ жить только для этого міра. Чтобы жизнь имѣла смыслъ, надо, чтобы цѣль ея выходила за предѣлы постижимаго умомъ человѣческимъ.

— Дорого и радостно общеніе съ людьми, которые въ этой жизни смотрятъ за предѣлы ея.

— Вѣхаль наверху на конкѣ, глядѣлъ на дома, вывѣски, лавки, извозчиковъ, прохожихъ, проѣзжихъ, и вдругъ такъ ясно стало, что весь міръ съ моей жизнью въ немъ есть только одна изъ безчисленныхъ возможностей другихъ міровъ и другихъ жизней и для меня есть только одна изъ безчисленныхъ стадій, черезъ которую я прохожу (какъ мнѣ кажется, во времени).

— Наши постоянныя стремленія къ будущему не есть-ли признакъ того, что жизнь есть расширеніе сознанія? Постепенно сознаешь, что нѣтъ ни матеріальнаго, ни духовнаго, а есть только мое прохожденіе черезъ предѣлы вѣчнаго, безконечнаго, которое есть Все само въ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ Ничто (Нирвана).

— Жизнь, которую я сознаю, есть прохожденіе духовной и неограниченной (Божественной) сущности черезъ ограниченное предѣлами вещество.

— Безконечное, котораго человѣкъ сознаетъ себя частью, и есть Богъ.

— Если иногда удается забыть о людяхъ, испытываешь какой-то экстазъ свободы.

— Если бы я былъ одинъ, я былъ-бы юродивымъ, то-есть ничѣмъ бы не дорожилъ въ жизни...

Онъ съ радостью говорилъ Татьянѣ Львовнѣ незадолго до бѣгства, что онъ мечтаетъ поселиться въ ея деревнѣ, гдѣ его никто не знаетъ: «Я тамъ могу ходить и просить подъ окнами милостыню». Безконечно знаменательны эти слова, — эта мечта быть юродивымъ, ничѣмъ не дорожащимъ въ жизни и всѣми презираемымъ, стать никому неизвѣстнымъ, нищимъ, смиренно просящимъ съ сумой за плечами кусокъ хлѣба подъ мужицкими окнами. Ужели и впрямь, какъ думаютъ это еще и до сихъ поръ, такъ долго стремился онъ убѣжать только ра-

ди освобождения себя отъ ссоръ съ дѣтьми и женой? Вѣдь еще юнкеромъ испытываль онъ этотъ «экстазъ свободы», счастье думать, что ни сколько онъ не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто «такой-же комаръ или такой-же олень». Юнкеръ Оленинъ восторженно терялъ свою «особенность». Но восторженно мечталъ и о томъ, чтобы прославить ее на весь мiръ. И безмѣрно честолюбивыя мечты его осуществились съ библейской щедростью:

— Былъ человекъ въ землѣ Уцъ, Ювъ имя его... И родилось у него семь сыновей и три дочери. И было скота у него семь тысячъ мелкаго скота, и три тысячи верблюдовъ, и пятьсотъ паръ воловъ, и пятьсотъ ослицъ, и прислуги весьма много; и былъ человекъ тотъ знатнѣе всѣхъ сыновъ Востока...

И вотъ, во всемъ былъ «разорень» тотъ человекъ; «и вотъ, вѣтеръ великій поднялся со стороны пустыни, и обхватилъ четыре угла его дома, и тотъ упалъ на отроковъ, и они умерли...»

Толстой самъ себя разорялъ всю жизнь и наконецъ разорилъ полностью — и самого себя и весь «домъ» свой, въ крушеніи котораго было нѣчто тоже библейское: словно и впрямь «вѣтеръ великій поднялся со стороны пустыни, и обхватилъ четыре угла дома, и тотъ упалъ на отроковъ» — гдѣ они теперь, эти разсѣянные по всему мiру «отроки»? Онъ самъ призывалъ и наконецъ призвалъ на свой «домъ» и на самого себя этотъ «великій вѣтеръ».

— Ну, хорошо, у тебя будетъ 6000 десятинъ земли въ Самарской губерніи, триста головъ лошадей... Ну и что же изъ этого? Что потомъ? Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, всѣхъ писателей въ мiрѣ — ну и что-жь? Что потомъ?

— И всталъ Ювъ, и разодралъ верхнюю одежду свою, и остригъ голову свою, и палъ на землю, и поклонился, и сказалъ: нагъ вышелъ я изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь туда.

Нагъ, какъ во чревѣ матери, былъ и тотъ, кто «тихо скончался» подъ чужимъ кровомъ, на какой-то дотолѣ никому невѣдомой желѣзнодорожной станціи.

Думая о его столь долгой и столь во всемъ удивительной жизни, никакъ не избѣгнешь мысли о путяхъ Юва, Будды, даже Самого Сына Человѣческаго.

— Паки и паки беретъ Его дьяволъ на весьма высокую гору и показываетъ Ему всѣ царства мiра и славу ихъ. И гово-

рить Ему: все это отдамъ Тебѣ, если, падши, поклонисья мнѣ. Но Иисусъ говоритъ ему: отойди отъ меня, Сатана.

Кто былъ такъ искушаемъ, какъ Толстой, кто такъ любилъ «царства міра и славу ихъ»?

— Боже мой, — думалъ князь Андрей въ ночь передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, — что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую? Отецъ, сестра, жена, всѣ самые дорогіе мнѣ люди — я всѣхъ ихъ отдамъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю!

«Врата, ведущіе въ погибель», были открыты передъ Толстымъ сугубо широко, «торжества надъ людьми» онъ достигъ величайшаго. Но, достигнувъ, «всталъ, и взявъ черепицу, чтобы сколоть себя ею, и сълъ въ пепель внѣ селенія...»

Такъ же, какъ Іовъ, какъ Екклезіастъ, какъ Будда, онъ былъ обреченъ на «разореніе» съ самаго рожденія своего. Вся жизнь такихъ людей идетъ въ соотвѣтствіи съ ихъ обреченностью: всѣ «дѣла и труды» ихъ, всѣ богатства и вся слава ихъ — «суета суетъ»; въ соотвѣтствіи и кончается: черепица, пепель, «внѣ селенія»; роша Уравеллы, Астапово... «Тотъ, Кто все создаетъ по замыслу Своему», одаряетъ ихъ тѣмъ щедрѣе, чѣмъ больше должно быть въ нѣкій срокъ ихъ «разореніе», заставляетъ трудиться и стяжать тѣмъ страстнѣе, чѣмъ отчаяннѣе будутъ ихъ проклятія всѣмъ земнымъ трудамъ и стяжаніямъ. Вотъ у одного семь сыновей, три дочери, сотни рабовъ и рабынь, тысячи скота и первенство среди всѣхъ сыновъ Востока; у другого — въ жилахъ царская кровь, высшая родовитость, какъ тѣлесная, такъ и духовная, высшая сила и ловкость, какъ «четыре дворца по числу временъ года»; третій — сынъ Давидовъ, царь надъ Израилемъ и великій «дѣлатель»: «Я предпринялъ большія дѣла — построилъ дома себѣ, насадилъ виноградники, устроилъ роши и сады, сдѣлать водоемы, собралъ золота, серебра и драгоценностей отъ царей и областей...» И у всѣхъ общій конецъ: «Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ?» — спрашиваетъ одинъ, столь много потрудившійся подъ солнцемъ. — «Нагъ вышелъ я изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь туда», — говоритъ другой. — «Царство міра сего и царство смерти — одно: это искушитель Мара, онъ же есть смерть», — говоритъ третій. И «муки ада» испытываетъ четвертый, вспомянувъ свою жизнь:

— Я испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость моей прежней жизни...

Какая «мерзость», какіе смертныя грѣхи числились за нимъ? Только тѣ, что называются «грѣхами святыхъ», всегда считавшихъ себя самыми страшными, самыми смрадными грѣшниками. Но все равно: сколько лѣтъ и съ какой ожесточенностью скоблилъ онъ черепицей проказу своихъ грѣховъ («не было ни одного самаго страшнаго преступленія, котораго бы я не совершалъ») и трепеталъ, какъ Іовъ:

— Ужасное, чего я ужасался, постигло меня; и чего я боялся, приходитъ ко мнѣ.

Онъ говорилъ почти тѣми-же словами:

— Я качусь, качусь подъ гору смерти. А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе. Я люблю мою жизнь — семью, хозяйство, искусство...

— Какъ мнѣ спастись? Я чувствую, что погибаю, люблю жизнь и умираю, — какъ мнѣ спастись?

«И счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что пряталъ шурупъ, чтобы не повѣситься, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться».

Левинъ погибалъ. «Но Левинъ не повѣсился и не застрѣлился и продолжалъ жить». Почему продолжалъ? Потому, что была на то воля Хозяина, которую онъ, не взирая ни на что, непрестанно чувствовалъ въ себѣ такъ же сильно, какъ его работникъ Федоръ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Софья Андреевна казалась очень высокой, стала худой и «немного сторбленной», какъ тѣнь бродила по мертвому яснополянскому дому и, какъ тѣнь, казалась зыбка, слаба». И все-таки каждый день за версту ходила туда — на могилу «Левочки», вѣчнымъ сномъ покоившагося въ паркѣ на краю оврага, осѣненнаго старыми развѣсистыми деревьями: лѣтомъ и осенью каждый день носила на могилу свѣжіе цвѣты, подолгу сидѣла надъ ней на скамейкѣ... Она встрѣтила меня, говорить одинъ изъ посѣтившихъ ее въ ту пору, устало и со спокойнымъ достоинствомъ, бесѣдуя, не улыбалась, не возвышала голоса. И это тогда сказала она:

— Сорокъ восемь лѣтъ прожила я со Львомъ Николаевичемъ, а такъ и не узнала, что онъ былъ за человѣкъ!

— Я никогда никого, кромѣ тебя, не любила, говорилъ мнѣ всю жизнь Левъ Николаевичъ. Но вѣдь не такъ легко было сдѣлать счастливымъ Толстого! Я помню, какъ однажды нашъ

другъ поэтъ Фетъ сказалъ про меня: «Софья Андреевна по ножу ходить». По ножу я и ходила всю жизнь...

Теперь, когда со времени его смерти прошла уже цѣлая четверть вѣка и ко всѣмъ прежнимъ безчисленнымъ свидѣтельствамъ и сужденіямъ о немъ прибавилось еще великое множество новыхъ, вопросы, «что онъ былъ за человѣкъ», почему Софья Андреевна «всю жизнь ходила по ножу» и что заставило его бѣжать, кажутся уже вполне разрѣшенными. Но это только такъ кажется.

— Странно и страшно подумать, что отъ рожденія моего до трехъ лѣтъ въ то время, когда я кормился грудью, когда меня отняли отъ груди, когда я сталъ ползать, ходить, говорить, сколько бы я ни искалъ въ своей памяти, я не могу найти ни одного впечатлѣнія... Когда же я начался? Когда началъ жить? И почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а было страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами? Развѣ я не жилъ тогда, когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и цѣловалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ. Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь не пріобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня — только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго — страшное разстояніе. Отъ зародыша отдѣляется уже не пучина, а непостижимость. Мало того, что пространство, и время, и причина суть формы мышленія, и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ.

Это строки изъ его «Первыхъ воспоминаній».

Какъ никто и никогда, за всѣ эти двадцать пять лѣтъ, прошедшіе со времени его смерти, не обратилъ никакого вниманія на такіа изумительныя во всѣхъ отношеніяхъ строки, понять совершенно невозможно.

Никакого вниманія не обратилъ никто и на дальнѣйшія строки:

— При переводѣ меня внизъ къ Федору Ивановичу и мальчикамъ я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ. Мнѣ было жалко покидать привычное (при-

вычное отъ вѣчности), грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой, съ няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ. Я старался находить веселое въ той новой жизни, которая предстояла мнѣ; я старался вѣрить ласковымъ рѣчамъ, которыми заманивалъ меня къ себѣ Федоръ Ивановичъ; старался не видѣть того презрѣнія, съ которымъ мальчики принимали меня, меньшого, къ себѣ; старался думать, что стыдно было жить большому мальчику съ дѣвочками, и что ничего хорошаго не было въ этой жизни наверху съ няней; но на душѣ было страшно грустно, и я зналъ, что я безвозвратно терялъ невинность и счастье, и только чувство собственнаго достоинства, сознание того, что я исполняю свой долгъ, поддерживало меня. Много разъ потомъ въ жизни приходилось переживать такія минуты на распутьяхъ жизни, вступая на новыя дороги. Я испытывалъ тихое горе о безвозвратности утраченнаго. Я все не вѣрилъ, что это будеть... Но, помню, халатъ съ подтяжкой, пришитой на спинѣ, который на меня надѣли, какъ будто отрѣзалъ меня навсегда отъ верха...

Во всей всемирной литературѣ нѣтъ ничего похожаго на эти строки и нѣтъ ничего равнаго имъ.

— Подчиненіе и потомъ опять освобожденіе.

Въ чемъ главное отличіе одной человѣческой жизни отъ другой? Не въ той-ли или иной мѣрѣ ея «подчиненія» и «освобожденія»? И вотъ рождается человѣкъ, который на всю жизнь запоминаетъ боль, жалость, грусть, испытанную имъ на самомъ порогѣ «подчиненія», при переходѣ «внизъ, къ Федору Ивановичу и мальчикамъ», и вообще нѣчто такое, что недоступно обычной человѣческой памяти:

— Вотъ первыя мои воспоминанія (которыя я не умѣю поставить по порядку, не зная, что было прежде, что послѣ, о нѣкоторыхъ даже не знаю, было ли то во снѣ или наяву). Вотъ они: я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу, плачу, и мнѣ самому неприятенъ мой крикъ; но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ, нагнувшись, кто-то. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Крикъ мой дѣйствуетъ на нихъ; они тревожатся отъ моего крика, но не развязываютъ меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Имъ кажется, что это нужно (т. е. чтобы я былъ связанъ), тогда какъ я знаю, что это не нужно, и хочу доказать имъ это, и я заливаюсь крикомъ противнымъ для самого себя, но неудержимымъ...

«Связываютъ». Впослѣдствіи онъ будетъ неустанно все больше «развязываться», стремиться назадъ, къ «привычному отъ вѣчности».

— Другое впечатлѣніе — радостное. Я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый не непріятный запахъ какого-то вещества, которымъ труть мое маленькое тѣлице. Вѣроятно, это были отруби и, вѣроятно, въ водѣ и въ корытѣ, но новизна впечатлѣнія отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣлице съ видимыми мнѣ ребрами на груди и гладкое темное корыто, засученныя руки няни, и теплую, парную, страшную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ ручонками...

Что это такое? Многіе дивились: «Какая необыкновенная память была у этого человѣка!» Но эти почти страшныя строки говорятъ вовсе не о памяти въ обычномъ значеніи этого слова. Если говорить о памяти такъ, какъ о ней обычно говорятъ, то тутъ ея нѣтъ: такой памяти на свѣтѣ ни у кого не было и не можетъ быть. Что-же это такое? Нѣчто такое, съ чѣмъ рождаются только «вырождающіеся» люди. «Я помню, что міриады лѣтъ тому назадъ я былъ козленкомъ», говорилъ Бучда уже совсѣмъ страшными словами. И что означаетъ наличие такой «памяти» у подобныхъ ему? То, что прошли они тѣ два пути, о которыхъ говорила древняя индійская мудрость: и «Путь Выступленія» и «Путь Возврата». Что есть первый путь? «Подчиненіе»: ограниченіе своего бытія, отождествленіе себя съ своей тѣлесностью, утвержденіе своего «я», жажда «захвата». Что есть второй путь? «Освобожденіе»: постепенная потеря чувства своей тѣлесной формы, своего земного «я», нарастающее чувство единого вѣчнаго Я, жажда сліянія съ этимъ Я, жажда «отдачи»... Милліоны людей проходятъ лишь первый путь. Святымъ же, мудрымъ, поэтамъ, Толстымъ, Буддамъ данъ и второй путь, путь «самоуничтоженія», о которомъ говорится въ Дхамматъ такъ: «Тысячъ побѣдилъ въ битвѣ доблестный воинъ; но превыше его мудрый, побѣдившій самого себя».

Вскорѣ послѣ его смерти я былъ въ индійскихъ тропикахъ. Возвратясь въ Россію, проводилъ лѣто на степныхъ берегахъ Чернаго моря. И кое-что изъ того, что думалъ и чувствовалъ и въ индійскихъ тропикахъ и въ лѣтнія ночи на этихъ берегахъ, подъ немолчный звонъ ночныхъ степныхъ цикадъ, впоследствии написалъ:

— Нѣкоторый родъ людей обладаетъ способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прош-

лое, не только свою страну, свое племя, но и другія, чужія, не только самого себя, но и ближняго своего, то-есть, какъ принято говорить, «способностью перевоплощаться», и особенно живой и особенно образной (чувствѣнной) «памятью». Для того-же, чтобы быть въ числѣ такихъ людей, надо быть особю, прошедшей въ Цѣпи своихъ предковъ долгій путь многихъ, многихъ существованій *) и вдругъ явившей въ себѣ особенно полный образъ своего дикаго пращура со всей свѣжестью его ощущеній, со всей образностью его мышленія и съ его огромной подсознательностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ особю безмѣрно обогащенной за свой долгій путь и уже съ огромной сознательностью.

— Великій мученикъ или великій счастливецъ такой человекъ? И то и другое. Проклятіе и счастье такого человека есть его особенно сильное Я, жажда вѣщаго утвержденія этого Я и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣщее (въ силу огромнаго опыта за время пребыванія въ огромной Цѣпи существованій) чувство тшеты этой жажды, обостренное ощущеніе Всебытія.

— И вотъ — поэты, художники, святые, мудрецы, Будда, Соломонъ, Толстой...

— Всѣ подобные имъ сперва съ великой жадностью приѣмлютъ міръ, затѣмъ съ великой страстностью клянутъ его сообразны. Всѣ они сперва великіе грѣшники, потомъ великіе враги грѣха, сперва великіе стяжатели, потомъ великіе расточители. Всѣ они ненасытные рабы Майи — и всѣ отличаются все возрастающимъ съ годами чувствомъ Всебытія и неминуемаго въ немъ исчезновенія...

— Есть два рода людей. Въ одномъ, огромномъ, — люди своего, опредѣленнаго момента, житейскаго строительства, дѣланія, люди какъ-бы почти безъ прошлаго, безъ предковъ, вѣрныя звенья той Цѣпи, о которой говоритъ мудрость Индіи: что имъ до того, что такъ страшно ускользаютъ въ безграничность и начало и конецъ этой Цѣпи? А въ другомъ, маломъ, не только не дѣлатели, не строители, а сушіе разорители, уже познавшіе тшету дѣланія и строенія, люди мечты, созерцанія, удивленія себѣ и міру, люди того «умствованія», о которомъ говоритъ Екклесіастъ, — люди, уже втайнѣ откликнувшіеся на древній зовъ: «Выйди изъ Цѣпи!» — уже жаждущіе раствориться, исчезнуть во Всеединомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще люто

*) «Развѣ не тогда приобрѣталь я все то, чѣмъ живу теперь?» Приобрѣталь, но сколь безконечно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что приобрѣталь на этомъ пути!

страждущіе, тоскующіе о всѣхъ тѣхъ ликахъ, воплощеніяхъ, въ коихъ пребывали они, особенно-же о каждомъ мигѣ своего настоящаго. Это люди одаренные великимъ богатствомъ воспріятій, полученныхъ ими отъ своихъ безчисленныхъ предшественниковъ, чувствующіе бесконечно далекія звенья Цѣпи, существа, дивно (и не въ послѣдній-ли разъ?) воскресившія въ своемъ лицѣ силу и свѣжесть своего райскаго праотца, его тѣлесности. Отсюда и великое ихъ раздвоеніе: мука и ужасъ ухода изъ Цѣпи, разлука съ нею, сознание тшеты ея — и сугубаго очарованія ею. И каждый изъ этихъ людей съ полнымъ правомъ можетъ повторить древнее стenanіe: «Вѣчный и Всеобъемлющій! Ты нѣкогда не зналъ Желанія, Жажды *). Ты пребывалъ въ покоѣ, но Ты самъ нарушилъ его: Ты зачалъ и повелъ безмѣрную Цѣпь воплощеній, изъ коихъ каждому надлежало быть все безплотнѣе, все ближе къ блаженному Началу. Нынѣ все громче звучитъ мнѣ Твой зовъ: «Выйди изъ Цѣпи! Выйди безъ слѣда, безъ наслѣдства, безъ наслѣдника! Возвратись ко Мнѣ!»

Будда болѣе въ міру царевичемъ и недаромъ «изъ рода тѣхъ, чья гордость вошла въ поговорку» **): когда настала его брачная пора и со всего царства созваны были невѣсты достойнѣйшія и прекраснѣйшія, онъ пожелалъ избрать «наилучшую», а на состязаніи изъ-за нея съ прочими юношами — оказаться «первѣйшимъ» ***), какъ въ силѣ, такъ и въ ловкости; и всѣ свои пожеланія выполнилъ: превзошелъ всѣхъ и во всемъ, каковому превосходству есть примѣръ хотя-бы въ томъ, что, пустивъ стрѣлу изъ лука, онъ такъ пустилъ ее, что она улетѣла за семь тысячъ миль. И дано ему было и великое супружеское счастье и рожденіе сына, прекраснѣйшаго въ мірѣ; а потомъ — три выѣзда въ городъ и три встрѣчи, затмившія

*) «Тогда не было ни смерти, ни безсмертія». Ригведа.

**) Гордость кн. Н. С. Волконскаго, дѣда Толстого по матери, тоже достойна была поговорки.

***) Толстой еще въ отрочествѣ мечталъ стать «первѣйшимъ» — то первымъ силачемъ въ мірѣ, то первымъ на курсѣ: «Кончу университетъ съ двумя золотыми медалями, потомъ выдержу на магистра, на доктора и сдѣлаюсь первымъ ученымъ въ Россіи... даже въ Европѣ я могу быть первымъ ученымъ...» Такъ же мечталъ въ юности: «Я часто воображалъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины...» Въ зрѣлыя годы безъ конца думалъ, какая именно жена будетъ достойна его, и бесконечно огромныя требованія предъявлялъ къ своей будущей избранницѣ.

всѣ радости его, дотолѣ не подозрѣвавшего, что есть въ мірѣ то, что показали ему встрѣчи: болѣзнь, старость, смерть; и тогда пришло ему въ сердце рѣшеніе оставить и жену и сына, порвать мірскія «шелковыя сѣти» и бѣжать и изъ родно́го дома и изъ міра: «Тѣсна жизнь въ домѣ, сказали онъ себѣ, мѣсто нечистоты есть домъ, свобода внѣ дома! Не вернусь я къ міру, не зналъ я прежде міра!» Въ темную, бурную ночь, достигнувъ большой рѣки, — переправы въ полное отчужденіе отъ міра, — царевичъ сошелъ съ коня, снялъ съ себя богатую одежду, обрѣзалъ свои длинные волосы, — знакъ своего высокаго достоинства, — и, отдавъ коня конюху, сопровождавшему его до рѣки, ушелъ на поиски «священнаго спасенія»; и испыталъ многія ученія, оказавшіяся ложными, и многія самоистязанія, не ведущія къ познанію, и, дойдя до предѣла ихъ, просвѣтленъ былъ въ рощахъ Уравеллы дивнымъ и внезапнымъ прозрѣніемъ, въ чемъ есть истинное освобожденіе, спасеніе отъ страданій міра и отъ смертной погибели въ немъ, и благовѣ ствовалъ «какъ серебряный колоколь, подвѣшенный къ небесному своду».

Онъ благовѣствовалъ, во многомъ слѣдуя древней священной мудрости, говорившей такъ:

Царство міра сего и царство смерти — одно: это Искуситель Мара, онъ же смерть.

Спасеніе — въ разоблаченіи духа отъ его матеріальнаго одѣянія.

Спасеніе — въ самоотреченіи.

Спасеніе — въ углубленіи духа въ единое истинное бытіе, оно же есть Брама-Атманъ, основа всякаго бытія и истинная сущность человѣческаго духа. Брама есть свойственное человѣку истинное Я, сущій во мракѣ тѣлеснаго Атманъ, Единое, Цѣлое, Вѣчное.

Спасеніе — въ стремленіи лишь къ Атману, къ тому состоянию, что подобно сну, въ которомъ не видишь сновидѣній и не чувствуешь никакихъ желаній.

Человѣческое Я есть земное воплощеніе Атмана, земное проявленіе Его.

Спасенный — тотъ, кто позналъ Атмана до конца и возвращается къ нему, не желая никакого потомства.

И вотъ:

— Отверзите уши ваши, монахи: освобожденіе отъ смерти найдено!

Ив. Буиниѣ.